

Максим Горький

О бойкости

Максим Горький

О бойкости

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2454925

Аннотация

«Один из литераторов, добродушно задетых мною в „Письме к Серафимовичу“, упрекает меня в том, что я неправильно оценил его книгу и обидел его лично, назвав писателя „бойким“...»

Содержание

Максим Горький

О бойкости

1

Один из литераторов, добродушно задетых мною в «Письме к Серафимовичу», упрекает меня в том, что я неправильно оценил его книгу и обидел его лично, назвав писателя «бойким».

Когда говорят: «бойкий парень» – это похвала, а не порицание. Но в данном случае, должно быть, и сам литератор смутно почувствовал, что его словесная бойкость – непохвальна, неуместна и даже вредна в таком глубоко серьёзном деле, каким является наша советская литература. Если он действительно почувствовал это – его можно поздравить, ибо, значит, он начинает понимать существенное и резкое различие между бойкостью и боевым, революционным отношением к работе словесного художественного отражения «объективной действительности». Это различие понимается, видимо, не легко.

Время повелительно требует строжайшей точности формулировок, и у нас есть где, есть у кого учиться искус-

¹ Впервые напечатано одновременно в газетах «Правда», 1934, номер 58 от 28 февраля, и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1934, номер 51 от 28 февраля. // В авторизованные сборники не включалось. // Печатается по тексту газеты «Правда», сверенному с рукописью и сохранившейся частью машинописи (Архив А. М. Горького)

ству этой точности. Мы живём в напряжённой героической и успешной работе строительства нового мира и живём в состоянии непрерывной войны со старым миром, звериная ненависть которого растёт вместе с нашими победами, вместе с нашим всё быстрее растущим влиянием на пролетариат всех стран. Как вся работа нашей партии, наша литература – боевое революционное дело. Её задача: борьба против прошлого в настоящем и утверждение социалистических достижений настоящего как ступени на высоту социалистического будущего. Выполнимы ли эти задачи посредством многословия, пустословия и набора уродливых слов из мещанского лексикона провинции? Прошу понять: я говорю не о смысле книг, – это дело критиков, – я говорю о необходимости технически грамотного отношения к работе, о необходимости бороться против засорения языка мусором уродливо придуманных слов, о необходимости учиться точности и ясности словесных изображений. Литературный и речевой язык наш обладает богатейшей образностью и гибкостью, не зря Тургенев назвал его «великим, прекрасным»². Нельзя ссылаться на то, что «в нашей области так говорят», – книги пишутся не для одной какой-то области. В нашей огромной стране существуют места, ещё слабо освещённые огнями Октября, тёмные места, где население продолжает употреблять плохо

² ...Тургенев назвал его «великим, прекрасным». – Имеется в виду стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Русский язык», в котором о русском языке говорится: «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык».

освоенные слова чужих языков, безобразные слова. Процесс освоения иноязычных слов вполне законен тогда, когда чужие слова фонетически родны осваиваемому языку. За годы революции нами созданы и освоены десятки чужих слов, например: листаж, типаж, вираж, монтаж, халтураж, но это потому, что раньше мы освоили слова: паж, багаж, кураж, а ещё раньше в наш язык вкоренились слова: страж, кряж, тяз и т. д. Вполне естественно заменить слово «прави́ло» более кратким английским – «руль». Все языки стремятся к точности, а точность требует краткости, сжатости.

После 1812 года два французских слова «шер ами»³ остались в нашем языке как одно «шерамыжник», сделанное по типу: подвижник, книжник и т. д. Шерамыжник значит: попрошайка, надоедник, обманщик, вообще – жалкий и ненадёжный человек, и в этом слове заключено сложное впечатление, которое вызывалось пленными французами. Слово «грипп» легко вошло в речевой обиход потому, что у нас есть: скрип, хрип. И всегда причиной освоения слов чужого языка служит их краткость и звуковое родство с языком осваивающим.

Нет никаких причин заменять слово «есть» блатным словом «шамать» и вообще вводить в литературу блатной язык. Нет смысла писать «бубенчик звеникает», когда имеются более точные звукоподражательные определения: брякает, звякает, бренчит. Я предлагаю молодым литераторам обратить

³ милый друг (франц.). – Ред.

внимание на «частушки» – непрерывное и подлинно «народное» творчество рабочих и крестьян. Много ли мы найдём в частушках провинциализмов, уродливых местных речений и бессмысленных слов? Отбросив в сторону подражания частушкам, сочиняемые свободомыслящими мещанами и скептически настроенными шутниками, мы увидим, что частушки строятся из чистого языка, и, если иной раз слова в них сокращены, изменены, это делается всегда в угоду ритму, рифме.

Разговорчики о необходимости обогащения русского языка подозрительны по своей искренности и безрезультатности, если не считать положительным результатом засорение языка хламом. Весьма многие литераторы восхищаются словотворчеством Велемира Хлебникова и Андрея Белого, однако не заметно, чтоб кто-нибудь из восхищающихся пользовался лексиконом названных авторов. Я – не поклонник Хлебникова и Белого, на мой взгляд, оба они творили словесный хаос, стремясь выразить только мучительную путаницу своих, узко и обострённо индивидуальных ощущений. Однако это были талантливые люди, и у них можно бы кое-чему поучиться. Но – как видно – учиться мы не очень любим. А вокруг нас большие тысячи молодёжи охвачены жадой знания, пролетариат быстро укрепляет и развивает силы свои, создавая новую интеллигенцию, она уже предъявляет к литературе всё более высокие и серьёзные требования, и у нас вполне возможно такое положение, при котором

массовый читатель будет идеологически и культурно грамотнее писателей. Повторяю ещё раз: идеологически и художественно точное изображение нашей действительности в литературе повелительно требует богатства, простоты, ясности и твёрдости языка.

Теперь о «бойкости». В понятие «бойкость» вместе с быстротой соображения и поступков всегда включается легкомысленное, поверхностное, непродуманное отношение к людям, к различным явлениям жизни. Бойкий человек торопится показать себя людям не похожим на них, обратить на себя внимание ближних, высунуться вперёд, пококетничать словом, новеньким костюмом и даже лохмотьями старого. Лохмотья тоже могут украсить человека, и мы знаем, что среди нищих есть немало таких, которые отлично умеют рисоваться своей нищетой. Известно также, что есть люди «нищие духом»; они считают основным достоинством и украшением пережитые ими неудачи, несчастья и, желая показать миру свою исключительность, назойливо рассказывают о своих личных страданиях, не умея – а иногда и сознательно не желая – выявить общесоциальные причины, коими эти страдания обусловлены. Не желают потому, что боятся поставить себя в бесконечный ряд «страдальцев» и признать для себя необходимость активного участия в борьбе против источника всех страданий. Не желают потому, что им больше всего «по душе» роль живых, двуногих «укоров» людям, которые деятельно разрушают привычные для эстетов

страдания, мрачные «достоевские» условия жизни, достоевскую философию ценности страданий. Не желают, наконец, потому, что «пусть мир погибнет, а мне чтобы чай пить». Все эти красавцы воспитаны и неизлечимо отравлены обществом лавочников, в котором, как известно, «человек человеку – волк». Бойкий человек – духовный родственник им, ибо он – индивидуалист и едва ли излечимый.

Как заявляет он о себе в нашей советской литературе, которая работает накануне организации бесклассового общества, которое будет построено на ярких индивидуальностях, но не может и не должно включить в себя представителей мещанского индивидуализма и анархизма?

Я довольно хорошо знаю тип дореволюционного литератора; в большинстве – это малоприятный тип, мягко говоря. Но я утверждаю, что дореволюционный литератор не употреблял так часто и громко местоимение «я», как это принято нашими литераторами из разряда бойких...

Если прислушаться к шуму в текущей литературе – услышишь, что в нём преобладает звук «я». «Я начал писать», «я пишу», «я кончил», я-я-я! Ожидаешь, что скоро начнут рассказывать: «я поругался с женой», «я ходил в баню», «я видел себя во сне Габриэлем д'Аннунцио» и т. д. Торопливое стремление заявить о бытии своём и деяниях своих приводит к тому, что человек, написав первую часть книги и видя, что она не обратила на себя должного внимания, пишет не вторую её часть, а новую книгу. Это – не редкий случай,

и это очень плохо, ибо говорит о том, что человек вовсе не увлечён материалом первой своей книги и что ему всё равно о чём писать, лишь бы сделать шум и вкусить от «фиала славы».

Наиболее шумным писателем из группы бойких у нас является драматург Вишневский. Он именует себя «новатором» в области драматургии. Он находит, что сотоварищи его «переписывают» Толстого, Ибсена, Достоевского, Чехова, Гоголя, Рышкова, и он написал «Оптимистическую трагедию» по форме пьес Леонида Андреева «Царь Голод», «Жизнь человека». Ничтожного Рышкова Вишневский поставил рядом с Толстым и Гоголем, очевидно, для «унижения» классиков. По построению своему Вишневский сроден «почвенникам», а эти последние утверждают, что «писать надо метлой», «жиром» и т. д. Бескультурье «почвенников» мешает им ознакомиться с мотивами, источниками и материалом творчества классиков, которые отлично могли бы научить их, как честно и серьёзно следует работать. Но, не торопясь учиться, «почвенники» спешат учить «начинающих» писателей, причём обучение сводится к захваливанию и посредством захваливания – к порче молодёжи.

Далее: считающий себя «новатором» Вишневский даёт на 27 странице «Оптимистической трагедии» случай с кошельком, в краже которого женщина обвинила матроса, – за что товарищи убили его – не воруй! – а затем нашла кошелёк у себя в кармане, за что матросы убили её – не ошибайся!

Случай этот дан в одном из рассказов Ивана Вольнова с той несущественной разницей, что действуют не матросы, а солдаты в «теплушке» на ходу поезда и что женщина – старуха. Для новатора такое совпадение фактов – странно. Вишневский – против реализма, он за «новые формы». Но у него матрос говорит женщине: «Выспаться на тебе хочу», а это как раз реализм, да ещё грубейший и притом – ненужный. Такой же реализм заключён в отвратительной фразе Сиплого: «Революционный сифилитик лучше здорового контрреволюционера». И вся пьеса глубоко реалистична не только по разнузданно грубому языку, но и по смыслу её. Смысл – бесстрашная гибель отряда матросов-революционеров. Да, это – трагедия, хотя «новое» толкование трагедии как литературной формы Вишневским весьма спорно и туманно. При чём здесь «оптимизм»? Ведь погибают не враги! Вообще попытка Вишневского выступить в роли Теофиля Готье едва ли может быть признана удачной. Он хочет быть романтиком, о чём и кричит на протяжении всей пьесы, а также и в стенограмме, приложенной к ней.

В стенограмме он спрашивает: может ли «хорошая форма, но абсолютно старая, закономерно выросшая на старой почве, быть адекватной тому, что мы имеем в области социальных сдвигов»? Конечно, может, ибо в этой «старой форме» есть неоспоримое достоинство – её точный, чистый язык, её техническая грамотность. Ни у кого из старых писателей Вишневский не найдёт такой бестолковой фразы, как его

фраза: «Украину пересекают цепи, новороссийские степи и Таврию». К тому же: невозможно познание, которое отрицало бы предшествовавшее ему знание, как учили нас Маркс, Ленин, учит Сталин.

Вишневский явно хочет быть романтиком, против этого нельзя спорить, ибо героизм действительности требует романтизации уже не только у нас, но и европейской, и китайской, поскольку в Китае и Европе новую действительность создаёт революционный пролетариат. Революционный романтизм – это, в сущности, псевдоним социалистического реализма, назначение коего не только критически и изобразить прошлое в настоящем, но главным образом – способствовать утверждению революционно достигнутого в настоящем и освещению высоких целей социалистического будущего. Романтизм Вишневского покамест сводится к невозможным преувеличениям. Так, например, на 92 странице его книги он рассказывает о матросе, который «надёргал целый котелок» бриллиантов с «некоей божьей матери» в Казани. «Целый котелок» с одной иконы – многовато, товарищ Вишневский, надо убавить! На котелок не хватило бы «бриллиантов» со всех икон всех церквей Казани. А кроме того, настоящие драгоценные камни не торчали в ризах икон: хозяева церквей обычно хранили такие камни в сейфах банков и превращали их в деньги. Это особенно практиковалось именно в Казани, после того как была в десятых годах украдена знаменитая «чудотворная» икона «божьей матери».

Какие мотивы заставляют меня писать всё это? Вовсе не весело отмечать недостатки товарищей литераторов и вообще людей, гораздо приятнее говорить об их достоинствах, но долг каждого из нас, товарищи, – взаимно способствовать росту наших достоинств. Молодым литераторам нашим вообще свойственны «бойкость» и торопливость на пути к славе, этим и объясняется крайняя небрежность их работы. Отрицать сей печальный факт могут только те критики, которые, читая книги, не замечают резкого разноречия между языком авторов и фактическим материалом книг, между формой и сущностью, между намерением и исполнением. Разноречие это всё растёт, и чем ярче, красочней, значительней развивается наша действительность, тем более ясно и тревожно слышишь, как тускло звучит язык, как поверхностно, хотя и размашисто, изображается чудесная наша жизнь. Не отрицая обилия молодых талантов, искренно и радостно любуясь ими, я всё-таки «бью тревогу» и буду неустанно делать это. Честные люди поймут, что это необходимо, и, надеюсь, что, отбросив прочь личные и групповые дразги, они тоже признают – пора признать! – тот факт, что литературная работа должна быть дружным, коллективным боевым делом глубочайшего культурно-революционного значения. К этому зовёт нас грозный голос событий на Западе и на Востоке, – событий, от участия в коих нельзя откупиться только пожертвованиями в пользу семей революционеров, истреблённых мерзавцами.